

18+

Надежда Нелидова

Торький
шоколад
с
жареным
миндалём

Надежда Нелидова Горький шоколад с жареным миндалём

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73481708

ISBN 9785006944282

Аннотация

Когда Соня обнаружила, что потеряла телефон, её чуть не разбил инсульт. Все умные инструкции на случай потери телефона мгновенно выветрились из Сониной головы. Остались пустота и ужас. И понимание, что в эту самую минуту на неё оформляются многомиллионные кредиты, её однушка выставлена на Авито, пенсионные накопления со свистом улетают на мошеннические счета, а судья уже облачается в широкоплечую, чёрную и глухую мантию, чтобы упечь Соню за преступную халатность

Содержание

«БАБУШКИН РАЗВОД»	5
ВИШЕНКА НА ТОРТЕ	17
ГОРЬКИЙ ШОКОЛАД С ЖАРЕННЫМ МИНДАЛЁМ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Горький шоколад с жареным миндалём

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2026

ISBN 978-5-0069-4428-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«БАБУШКИН РАЗВОД»

Остыли реки и земля остыла, и зима раскрыла снежные объятия, и уносят меня три белых коня, эх три белых коня... Кто же знал, что спустя почти полвека исполнительница новогодней песенки, как Снежная королева, своим дыханием выдует рынок вторички. Он практически мёртв: каркают вороны, зияют провалы окон, ветер хлопает дверями. Заморожены тысячи квартирных сделок, в звенящей снежной дали растаяли мечты новосёлов. Чего там, артистка того гляди закопает в стылую землю всю судебную систему.

Российские толковые словари готовы обогатиться выражением «Казус Долиной». Страна гудит как растревоженный улей, страна слилась в едином порыве неприязни к возрастным квартирным «аферисткам» и сочувствия к их жертвам.

Моя знакомая Валя на гребне этих событий оказалась захлопнута в двойной ловушке. В тисках. Между двух огней. Между Сциллой и Харибдой. Между молотом и наковальней.

Она продаёт квартиру – и она пенсионерка. Пенсионерка! Значит, априори орудие в руках мошенников (или сама мошенница), заведомый изгой, персона нон-грата, плевательница и мишень для всех, у кого от происходящего кипит разум возмущённый.

Валя полжизни собиралась, ждала, приближала как могла этот день, когда продаст постылые провинциальные квадратные метры и сменит место жительства на более благословенное. Дождалась. Прособиралась.

– Вы пенсионерка?

– Да, но, честное слово, я осознанно и добровольно, не под влиянием, у меня и справка есть...

Покупатели бросают трубку и бегут поднимая тучи пыли, сверкая прятками и осеняя себя крестом.

А у Вали давно уже было чемоданное настроение. Добавить накопленную круглую суммочку, приобрести бэушное однокомнатное гнёздышко в спальном районе мегаполиса, где, по слухам, давно наступил отдельно взятый коммунизм и рай на земле. В мыслях она уже гуляла на Чистых прудах и кормила хлебушком жирных столичных уток, и получала приятные надбавки к пенсии, бесплатно каталась на метро и ещё разные собянинские плюшки.

Покупателя на свою старую квартиру она с грехом пополам всё же нашла, и тут-то её поджидал капкан номер два: нынче приобретение вторички в белокаменной – это игра в рулетку. В свете скандальных телефонно-квартирно-мощеннических событий, сами понимаете.

Мы с Валеёй просмотрели десятки роликов на тему «как уберечься от квартирных махинаций с участием бабушек»: там давали умные советы риэлторы, нотариусы, юрисконсульты, кинутые покупатели-ипотечники, блогеры. Только

безнал, говорили они, страхование сделки, каждый шаг под видеозапись, углублённое обследование в диспансере для бабушки, личная встреча с родственниками, аннулированная регистрация, выселение со всеми манатками...

В конце они все обречённо добавляли: НО. Эти действия не гарантируют, что вы всё равно не потеряете деньги и квартиры.

И с бумажкой ты букашка. Выписки из домовой книги, сведения ЕГРН, справки из психо-неврологического, расписки в присутствии нотариуса... Всё это вчерашний день, филькина грамота и пустые, ничего не значащие бумажки.

Всё теряет смысл и логику, потому что перед нами бабушка. Милейшее, безобиднейшее существо в платочке и уютных морщинках. Внучата, пироги, баночные закрутки и вязаные коврики. Божий одуванчик. Ей полицейские говорят: «Очнитесь, уважаемая, вас ведут мошенники («Слышите вы, старая перечница, вам по бошке настукать, как вам ещё русским по белому объяснить?!»)

Бабушка клянётся в чистоте намерений, обижается, плачет: «Грех вам, я что, похожа на сумасшедшую?» Выйдет и в ста метрах от отделения передаст курьеру пакет с деньгами. Потому что, как ей сказал мужественный товарищ майор, квартирная продажа – это и не продажа вовсе, а фикция, и все вы тут – сволочи, жулики и звенья преступной цепи, а она старая комсомолка и Джеймс Бонд в юбке, и участница спецоперации: помогает людям с горячим сердцем и чисты-

ми руками повязать всю вашу шоблу.

И до кучи отправится взрывать военкомат.

Чтобы успокоить расстроенные нервы, Валя включает телевизор. А там маленькая женщина, устроившая извержение вулкана, погрёбшая под слоем пепла жилищный рынок, перевернувшая весь дом с ног на голову, поёт себе про погоду в этом самом доме и про зонт. Остаётся догадываться, что за всемогущий зонт парит над головой артистки. Неистребимый такой, непромокаемый зонтик, который, и, правда, всё прекрасно улаживает в жизни небожителей. А всё другое суета, в том числе попавшие под каток, выброшенные на улицу люди.

Валя не хочет пополнить их ряды и держит руку на пульсе. Бдит. Мониторит вести с ин формационных полей.

Схема телефонного облапошивания набила оскомину, скучна до зевоты и примитивна до безобразия. Разбуди Валу среди ночи, отбарабанит по пунктам: звонок техподдержки из банка – код подтверждения – спецслужба на проводе – секретная операция – безопасный счёт – курьеры. Валу не обманете. Денежки никогда не помашут ей ручкой: «До свидания, Валя» – потому что она умная. Это дураки учатся на своих ошибках, а Валя учится на чужих.

Именно она более года назад первая рассказала мне про царскую квартиру за 112 миллионов, профуканную знаменитой хозяйкой. Виноватой назначили добросовестную по-

купательницу, а ещё задержали курьеров и дропперов. Последние божатся, что не были ни в каком долинге. То есть в доле.

История дурно пахла, поэтому наверняка облапошенная певица менее всего была заинтересована, чтобы полоскали её имя. Но уж эти щелкопёры и бумагомараки, раздули дело на весь мир, далее по Гоголю: «Чёртово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стёр да чёрту в подкладку! Вот что обидно! Чина, звания не пощадят, будут скалить зубы и бить в ладоши. Мало того, что пойдёшь в посмешище – в комедию тебя вставят». В комедию не в комедию, но на весь мир прославят – это точно.

Шумиху в прессе можно было спустить на тормозах, народ бы побухтел по кухням и смирился.

Между тем, телефонные мошенники продолжали своё чёрное дело. Бабушки прямо-таки в очередь выстраивались – только оттаскивай, чтобы попасться на крючок к жуликам. Вот правда, такое ощущение.

Тут-то родственники и адвокаты божьих одуванчиков хлопнули себя по лбу: «А что, так можно было? Прецедент с певицей-то на что? У Долиной прокатило, а бабушкам нельзя?!» И закрутилось-завертелось: по стране понёсся ком, обрастая сломанными судьбами, разрушенными планами, не состоявшимися новосельями, спорными квадратными метрами, плачущими детьми, шустрыми старушками-банкротами – только ручки-ножки замелькали.

Вообще, в нашем суде не используется прецедентное право. Почему? Возможно, потому, что с ним неудобно лавировать, совершать чудеса эквилибристики, манёвров и рокировок в зависимости от. Очень удобно: каждое дело толкуется индивидуально, с отягчающими и смягчающими – лепи что хошь, как из пластилина.

А вот при прецедентном праве закон уже не повернёшь как дышло – куда пукнешь, туда и вышло (по выражению Валиного зятя-грубияна). Лавируешь, лавируешь да не вылавируешь.

Это ведь тогда любой адвокатишка возомнит себя Плевако, заложит палец за лацкан пиджака и такой: «Па-азвольте, ваша честь, а вот гражданин Курлыкин совершил аккурат такое же преступление, один в один, но получил год условно – а вы моему подзащитному даёте десять строгого. Где логика?»

Нет, нет, не нужны нам никакие прецеденты.

Валя по жизни боец и не собирается сдаваться: «Не может же быть, чтобы не нашлось выхода». Она перебирает, нащупывает варианты: а что, если?

– А что, если в обязательном порядке «прогонять» бабушек на полиграфе?

– А что, если приглашать батюшку: пусть в его присут-

ствии целуют крест?

– А что, если брать с бабушек расписку следующего содержания: «В случае, если я, такая-то, находилась под воздействием мошенников, обязуюсь не претендовать на квартиру до тех пор, пока не верну покупателям всю сумму до копейки».

– С учётом инфляции и морального вреда, – уточняет Валя. – И только тогда ей вернут ключ от квартиры. Странно, что суды в упор не видят такое простое решение. Честно? Честно. Справедливо? Справедливо. А пока – добро пожаловать, бабули, в коробку под мостом. Хотя в нашем климате лучше в коллекторы на тёплые трубы.

Я настроена скептически:

– Знаешь, что скажут эксперты? Что когда бабушка давала расписку, она находилась под твоим коварным воздействием. Ты на неё напускала туман. Пудрила мозги. Давила. Обволакивала флюидами. Гипнотизировала. Сверлила удавчим взглядом. Парализовала волю.

Поиски столичной квартиры отложены, чемоданы разобраны. Не гулять Вале по московским прудам, не крошить батон уточкам. У неё образовалось свободное время, и она мучительно ломает голову:

– Если человек совершает промах, его наказывает жизнь. С каких пор за чужую промашку должен расплачиваться честный человек? Бессмыслица какая-то.

Проводит параллели:

– Это то же самое, если бабулю на рынке обманет цыганка, а заплатить за её лопоухость должен гражданин, который мимо шёл, ни сном ни духом про её быр-быр-быр с цыганкой. Прямо так суд и заявляет: «А ну, без вины виноватый гражданин, расплачивайся за бабулину доверчивость (глупость, легкомыслие, внушаемость, наивность, старческое слабоумие, нужное подчеркнуть)».

Или, допустим, купили вы в автосалоне машину да тут же о первый столб её и расхерачили в хлам. И требуете, чтобы автодилер вернул вам деньги, потому что в момент покупки вы находились под влиянием зазывал и агрессивной рекламы, и не давали отчёт в своих поступках!

Или взяли кредит и продулись подчистую в казино (имеете право!) И пулей обратно в банк: верните кредит, вы его навязали, а я пострадавший, просто игорный азарт одурманил мне мозги.

Открыто ли хоть одно дело против автосалона, банка или казино? Пальцем у виска покрутят: вы в уме, любезные?

Давайте пойдём дальше: начнём оправдывать алкоголиков и наркоманов. В хмельном и галлюциногенном чаду они натворили дел, но вот сейчас проспались, протрезвели, прозрели, очухались, осознали. И кликнули психологов. И психологи такие радостные: о йес, пострадавшие не отвечали за свой неадекват, находясь в трансе под воздействием психотропных веществ.

Дурдом какой-то, так бог знает до чего можно дойти. В конце концов, мы все находимся под влиянием и прессингом Её Величества Жизни – войдите в наше положение.

В соцсетях комментаторы вовсю резвятся и изощряются в глумливых советах. Например, чтобы не делить имущество при разводе, в иске указать, что брак был заключён при временном помутнении рассудка и потому должен быть признан не действительным.

Или разведённый папаша просит уважаемый суд отменить алименты в виду того, что жена принудила его к сексу под дулом пистолета. Или, наоборот, забеременела посредством заведомо запланированного соблазнения своим телом, в сговоре с тещей и тестем, что можно расценивать как заранее спланированную деятельность организованной преступной группировки...

Нынче, чтобы купить квартиру, нужно уволиться с работы и посвятить себя исключительно этой цели. Закончить юридические курсы, обложиться специальной литературой и разобраться в гражданских и уголовных кодексах РФ. Затем приготовьтесь ездить и обзванивать работников МФЦ, психиатров, клинических психологов, экспертов по мимике и интонации, полиграфологов, соседей, родственников, полицию. С кровью, нервами и немалыми деньгами выбивать справки – всё это одним днём, потому что завтра бумажки

будут не действительны. (И то – суд, скорее всего, небрежно сгребёт и отодвинет их в сторону).

С недавних пор Валин словарный запас пополнился такими оборотами, как «порок воли», «под влиянием заблуждения», «минимизация рисков», «когнитивные изменения», «двойная реституция», «период охлаждения».

Была Валя обычная пенсионерка, а тут, как сама говорит, в голове зашевелились винтики. Она стала задумываться и задавать вопросы. Пока только себе: чиновничья братия забаррикадировалась, забила свои паблики ботами и клакёрами (платными комментаторами), которые гасят неудобные вопросы на корню.

А их немало, вопросов. Например: с какой стати она, Валя, кормит прожорливую толпу никчёмных посредников: МФЦ, риэлторов, нотариусов – чтобы они только шлёпали печать и брали за это денюшку? И ни за что не отвечали? И если государство не может и не хочет защитить её, Валу, от беззакония, и спасение утопающих – дело рук самих утопающих – зачем ей такое государство?

Она пытается найти в происходящем плюсы:

– Возможно, нам даётся шанс оттолкнуться от дна и, наконец, начать всплытие. Либо не начать и продолжать пробивание дна дальше. Даже любопытно с точки зрения антропологии: чем этот театр абсурда, в конце концов, однажды закончится?

Я, в свою очередь, мечтаю о том времени, когда искусственный интеллект полновластно займёт ниши – не во всех сферах, а только там, где не желателен человеческий фактор. В первую очередь – в правосудии. Пусть обвиняемый сам выбирает, в чьи руки вложить судьбу: двенадцати присяжных или бездушной, беспристрастной машины.

Создать «умного помощника» и назвать, скажем, Соломон («Соломоново решение»). Значит, так: в процессор закладываются расследованные материалы дела – машина скрупулёзно взвешивает все «за» и «против», и выдаёт чистое как яичко, как яблочко без единой червоточинки решение.

ИИ Соломон лишён симпатии и антипатии, он не фанатет от актёров и певцов, неподкупен, неметеозависим, не подвержен плохому настроению, изжоге, ПМС (не потому что не женщина, а потому что компьютер). Он глух, слеп, кристально объективен, у него никогда не сползёт с глаз повязка и не перекосят в руке весы.

Если позвонит уважаемый (сейчас говорят: ресурсный) человек и попросит порешать вопрос, и пообещает щедро отблагодарить или, напротив, согнуть в бараний рог – Соломон не только не исполнит его просьбу, а привлечёт уважаемого по статье за угрозы, за давление на суд и за попытку дачи взятки – и навсегда отобьёт у сильных мира сего охоту к телефонному праву.

– Ох, дорогая, боюсь, твой искусственный интеллект от такой нагрузочки замигает всеми лампочками, затрещит, заискрит, задымится и выбьет пробки в доме.

И мы невесело смеёмся.

ВИШЕНКА НА ТОРТЕ

В двух словах о Вале: на улице на неё оглядывались. Думали: «Бедняжка». Некрасивым женщинам обычно говорят, что у них красивые глаза. Но у Валентины и глаз не было видно за толстыми минусовыми стёклами очков.

Ещё Валя была не очень юная.

В таких случаях выручают словесные эквилибры: одно дело сказать «не юная» и «в возрасте» – и совсем другое «старая дева», правда? Абсолютно по-разному звучит: женщина весит пятьдесят один килограмм (Дюймовочка!) И про неё же: в ней полцентнера с гаком (ужас!) С гаком – это когда мужик расставил пошире ноги, взвалил на плечи мешок: «Г-хак!»

Или вот ещё о женщине можно сказать как плюнуть: похотливая, озабоченная. А можно – эротичная, темпераментная, секси. Как Скарлетт, Настасья Филипповна и Кармен. Впрочем, Вале это не грозило.

Не реально встретить мужчину судьбы, работая лаборанткой в больнице, пусть даже закрытой ведомственной. Конечно, олигархи тоже люди и болеют, но их биологические выделения привозят личные водители. Водители на Валю тоже не смотрели.

Для прочих смертных забор биоматериала проходила на голодный желудок, с семи утра. Значит, вставать в пять. Пять – это ещё самая настоящая ночь, самый сладкий сон, самое родное одеяло. Валя отхлёбывала растворимый какао и смотрела в окно на друзей по несчастью, у которых тоже жизнь не удалась. Окошек светилось раз-два и обчёлся.

В бабушкиной-маминой молодости, по их рассказам, заводы и фабрики вкалывали в три смены. Ранними утрами дома увешивали весёлые разноцветные ожерелья окон.

*Есть у города много огней,
Каждый чьей-то любовью зажжён.*

Мой огонь, где узнать поскорей,

Где однажды засветится он? — подпрыгивала и шепелявила бабушкина пластинка.

– Почему же я одна,

И висит надо мной тишина,

Где потухшие окна

И где нету моего окна?

Песня была актуальной: в те годы Москва строилась (а когда она не строилась?) Требовались молодые здоровые руки. Со временем беззаконные провинциалки из общежитий влюблялись в таких же парней-лимитчиков, рожали, государство давало прописку и квартиру.

Бабушка с подружкой тоже рванули в Москву, в Москву! Бабуля оробела и сбежала домой, а вот подружка стала москвичкой в первом поколении, пустила корешки. Её внуки, Ва-

лины ровесники, выиграли джекпот уже одним местом своего рождения. Когда столичный квадратный метр достиг космических цен, все они дружно заделались дауншифтерами. Рантье.

Сдавали жилплощадь, сами обитали на тропических островах. С утра вечера только и делали, что постигали себя, развивали чакры, погружались в нирвану, общались с четырьмя стихиями. Между духовными практиками потягивали мохито, выкладывали сторис, тяжелее бокала и планшета в руках ничего не держали.

Аристотель сказал, как припечатал: «Счастье в досуге». Ницше изрёк: «Праздник лучше человека деятельного». Цицерон внёс свои пять копеек: «Те люди вправе называться свободными, что бывают без дел». Как бы и Вале хотелось «созерцать вечную мистерию, творимую небом, пчёлами, солнцем и цветами на зелёных склонах».

Из грёз её вышвыривал упёртый в бок чужой портфель. Она возмущалась:

– Не толкайтесь, здесь женщины!

– Женщины сейчас спят.

Ах, переместиться бы из промёрзлого автобуса туда, где вечное лето, где вместо картошки – сотканые из тёплого розового воздуха фрукты. Просыпаться не под будильник, а под океанский прибой, утыкаться носом не в кислые засаленные пуховики в автобусе, а в орхидеи, пропитаться не формалином, а крепким, солёным морским бризом. Вы-

рваться из морозных чернильных утр, забыть, как страшный сон, мёртвые искусственные, мигающие лампы под потолком, обогреватель у ног, постылые стёклышки и пробирки...

Плавать в тёплом морском супе из медуз (не ядовитых!), позировать на слоистой, как юбка перуанки, Радужной горе, возлежать на застрявшем между скалами древнем валуне (подпись под фото «Принцесса на горошине»). И, перегнувшись через борт яхты, принимать из смуглых рук ловцов жемчуга мокрые тяжёлые раковины, и чтобы с неё сдуло шляпу куда-нибудь в водопад Анхель...

Эх, бабуля!

Журнал «Подруженька» объяснял: путешествия к ногам женщин бросают мужчины. К ногам красивых женщин. В этом месте Валя захлопывала журнал.

Чего только она ни предпринимала, чтобы разбогатеть. Носила в кошельке (по совету той же «Подруженьки») мелко покрошенный кошачий ус (выпросила у соседки-кошатницы). Стирала в тазике банановые шкурки, приговаривая: «Банан стираю – деньги получаю». Выставляла на растущую луну драгоценности: бабушкины перстеньки, подвеску, цепочку. Золото было настоящее советское, а не эта вот дребедень, которой торгуют килограммами в курортных восточных магазинчиках.

Был случай, никто не верит. Валя на кухне смотрела за-

рубежный фильм и чистила мороженую рыбу скумбрию. Героиня плакалась на нищету и – вот совпадение! – тоже разделявала свежепойманного тунца, в ведро с помоями шмякались головы, хвосты и плавники. Валя с неодобрением думала: какое расточительство! Любая наша хозяйка знает: добавь к рыбным отбросам перчик горошком, лаврушку, зелень – получится ушичка, пальчики оближешь! Совсем эти бедняки в капстранах зажрались.

Потрошила, значит, Валя рыбу – и тут нож чиркнул по чему-то металлическому. Кольцо! Грубое, плетённое из проволоки каким-нибудь туземцем, но много ли вы слышали про кольца, проглоченные рыбой? Валя зажмурилась, загадала желание...

Что, что. Не видите: не сбылось.

Ещё журнал «Подруженька» советовал женщине периодически назначать свидание в ресторане с самой собой. Выдёргивать себя из будней как морковку. Эдак прищуриться: дорогая, не побаловать ли нам себя, не скоротать ли наедине вечеров в злачном месте? Подарить самой себе цветок, угостить вином. Потому что, чёрт возьми, ты женщина, и потому что никто другой тебя не приглашает.

Вот Валя и сидела в кафешке перед бутылкой красного и тарелкой с пирожным, украшенным вишенкой. Сморщенная вишня была явно снята со вчерашнего торта. Валя пока-

чивала тувелькой, покачивала бокал, в котором между стеклянными берегами перекатывались кровавые цунами. Играла прекрасную незнакомку, казалась себе роковой и загадочной, вот только мешали презрительные взгляды официанта.

Он выросал за спиной, учтиво-оскорбительно и омерзительно-вежливо, как умеет только обслуживающий персонал, осведомлялся, не пришло ли время заказать салат и горячее? Лакей. Лакеишка. Прилизанные волосы, тараканьи усики, бабские розовые ногти. Вале не нужны были ни салат, ни горячее, ни даже стакан минералки. В отместку он подсадил к ней за столик молодую красивую даму.

Что дама красивая, Валя поняла, ещё не подняв глаз от бокала. Некрасивые женщины так не пахнут. Благоухание, от которого вздрогнули и затрепетали ноздри присутствующих, мог сотворить только парижский парфюмер и убийца женщин Гренур.

Кстати, профессионалы говорят: не душусь и не пахну духами, а *ношу* духи. Не нюхаю, а *слушаю* аромат.

То, что нынче продавалось под видом духов – был в чистом виде дихлофос, тоже убийца женщин. И в отделе дорогого парфюма, где только за понюшку пробника брали 300 рублей – тот же дихлофос, что называется, из одной цистерны.

Настоящие французские духи попались маме раз в жизни в советское время, когда подделки исключались. Мама служила проводницей в фирменном поезде, стеклянный фиал

на купейном столике забыла генеральская жена. Волшебного янтарного благовония плескалось на самом доньшке, мама растянула его на всю жизнь.

Маленькая Валя открывала стеклянную притёртую пробочку, нюхала пустой флакон... Голова кружилась, тяжёлый шар земной уплывал под ногами. Становилось понятно, как древнегреческая нимфа Цирцея душистыми натираниями превращала мужчин в свиней. Оставалось утешать себя лживой фразой, что лучшие духи – это запах чистого тела и свежего белья. Якобы так сказала знаменитая владелица модного бренда. Сама-то, небось, принимала ванны с эфиром и лепестками роз.

– О, я не была здесь семьдесят восемь лет! – сказала дама, оглядываясь. – Тогда кафе называлось «Незабудка». На столах стояли вазочки с пыльными пластмассовыми цветами, и вместо салфеток нарезалась обёрточная серая бумага. Вечером приглашали подпольный джаз из местного ДК, задёргивали шторы, клеёнки меняли на скатерти, алюминиевые вилки на мельхиор... И подавалось то же пирожное, называлось «Вишенка на торте». Боже, какими мы были наивными, какое простецкое, понятное было время!

– Когда-когда, вы сказали? – перепроверила Валя.

– Семьдесят восемь лет назад, – подтвердила дама. – Мне

тогда стукнуло двадцать, ах молодость, молодость!

Всё вокруг оставалось на своих местах. Столики шумели и звякали приборами, танцующие пары топтались на пятке, тётя в караоке душила себя за горло и рыдала в микрофон: «Если не мой, то ничей, я убью тебя и останусь ни с чем». Между тем, дама заказала себе кучу всяких деликатесов и кушала по всем правилам этикета, красиво отламывая и отдавливая вилкой кусочки мяса и хлеба.

Валя подумала, что ослышалась: по подсчётам, соседке девяносто восемь?

– Не ослышались, – улыбнулась дама. – Я читаю мысли – вот как это меню. Я фея.

Она заскользила взглядом по залу:

– Женщина-киллер в караоке – примерная жена и мать семейства, справляет День бухгалтера. Стриптизёршу жутко ревнует её жених, юноша бледный со взором горящим. Вон он за ближним столиком, похож на Раскольников, что-то сжимает за пазухой. Видите у камина элегантного господина в хьюго босс? Тырит в ресторанах ложки. А хотите знать, что думает о вас официант?

Только официанта не хватало. И вообще, всё это смахивало на аферу. Валя на всякий случай ощупывала кошелек и телефон, когда в зале сразу в двух концах вспыхнул скандал. Поросычьи визжала стриптизёрша, которую отрывал от шеста Раскольников, а хьюго босс стоял растопырив руки, из его карманов со звоном сыпались на пол ложки.

– Сейчас в вашей головке роем пронесли мысли: «Точно, не мошенница! Не каждый день сидишь за одним столом с феей. Вот прекрасный способ исполнить заветное желание. Неужели откажет?!» Не откажу, для этого я здесь и нахожусь, – фея вздохнула: – Ах, женщины, женщины! Проходят тысячелетия, а вы не меняетесь, вынь да положи вам красоту.

– Тысячелетия? Вы же сказали...

– Тысяча лет туда, тысяча лет сюда, – дама неопределённо помахала рукой. – У нас, фей, другое времяисчисление. Итак, в этом сезоне клиентки заказывают талию Гурченко, попу Ким Кардашьян, брежневские брови, плечи Деми Мур, зубы Прохора Шаляпина, взгляд Анжелины Джоли – кстати, она носит линзы. Далее, губы Джулии Робертс...

Нет, нет, Валя как раз-таки терпеть не могла модный оскал от уха до уха. Ей хотелось ротик обиженного ребёнка, как у актрисы Елены Соловей: маленький, круглый и сочный, как вишенка на торте. А от Джулии, так и быть, буйную огненную гриву.

И она украдкой посматривала в зеркальные панели: не начали ли действовать чары?

– Ну не прямо же здесь и сейчас! Наберитесь терпения, – с этими словами фея... начала на глазах исчезать. Вот только что она сидела, а над стулом уже таяло серебристое облачко – как осыпавшаяся с потревоженной зимней ели снежная пыльца.

Сразу вырос официант:

– Э-э, ваша спутница только что надела в гардеробе шубку и покинула заведение. Чем будем расплачиваться: картой, наличными?

Была надежда, что купюры оставлены под перевёрнутой тарелкой. Но вместо денег там лежал рекламный буклет клиники пластической хирургии «Фея». И прайс, в котором прыгали, двоились и троились в Валиных минусовых стёклах нули, нули...

Под взором официанта, выразившим высшую, ледяную степень высокомерия, Валя сняла с карты всё что было, вытрясла мелочь из кошелька. Главное, за что?! Она-то сама весь вечер посасывала вишенку, а вот фея хорошо покушала за чужой счёт. Фея – тарелочница.

Уходя, Валя зачем-то провела пальцем по стулу, где сидела соседка. Приклеилось несколько блёсток: обычных макияжных, триста рублей коробочка. Так Валю ещё никто не разводил. Спасибо, журнал «Подруженька», удружила!

Спустя полгода в кафе вошла богиня. У присутствующих сами собой открылись рты, опустились ложки и вилки, а у дам – уголки ртов. Самый взыскательный живописец не нашёл бы в посетительнице изъяна, всё было в ней гармония, всё диво. Фарфоровый профиль, скульптурная шея, каскад кудрей по плечам, скрипичные изгибы фигуры и тэ дэ и тэ пэ.

Валя уже привыкла к взглядам. Походкой манекенщицы, покачивая бёдрами прошла и села за зарезервированный столик. Попросила бутылку красного и пирожное с вишенкой. Вишня была свежайшая, пропитанная вином.

Тогда, полгода назад вернувшись из кафе, заплаканная Валя с горя стала листать буклет. В конце мелким шрифтом было напечатано объявление о лотерее. Главный выигрыш: полное, стопроцентное преобразование по желанию клиентки. Для участия перевести пятьдесят баксов на счёт клиники.

А, быть одураченной – так по полной. Испить чашу позора – так до конца. Пропала коровка, пропадай и верёвка.

Она выиграла главный приз.

Опустим ахи-охи знакомых, соседей и коллег по работе. Жаль только, ранее спасительная медицинская маска теперь скрывала чудесное преобразование. Пришлось заказать на озоне прозрачную маску – китайцы и не такое придумают.

Олигарх не заставил себя ждать и вышел из туалета баклаборатории, застёгивая штаны, неся в руке тёплый стаканчик. Стаканчики у пациентов ласково принимала царевна Несмеяна.

Надеюсь, великий Шота Руставели не посчитал бы кощунством заимствование строфы из его бессмертной поэмы:

А в окошке том сидела

Лаборантка Валентина,

И краса её сияла

Безмятежна и невинна.

Словно звёзды в тёмном небе,

Очи дивные сияли,

Увидав красу такую,

Люди разум свой теряли.

Олигарх тоже потерял, но, имея коммерческую жилку, быстро сориентировался, и предложил руку и сердце. Потому что чего тут рассусоливать, того гляди набегут сдавать анализы другие миллиардеры, выхватят из-под носа красоту неописуемую.

Это был олигарх, которому хуже горькой редьки надоели пиявицы ненасытные из Тиндера. Он искал тихой семейной гавани с такой вот прекрасной лаборанткой, чтобы родить от неё шестерых наследников. Рожать будут в Майами, растить в швейцарском шале, воспитывать в британской закрытой школе.

В утро бракосочетания в дверь позвонили. На пороге стоял охранник олигарха. Он требовал от Вали незамедлительно вернуть обручальное кольцо, свадебное платье, бриллианты, букет из тысячи белых роз и выметаться из пентхауса. Потому что вчера на мальчишнике жених нажрался и за чем-то полез на Валину страничку в Одноклассниках (а она в суматохе не сообразила удалить).

И увидел фоты невесты от садика до наших дней, и вос-

кликнул, дословно: «Господи помилуй! Я, конечно, понимал, что тут поработал скальпель, но не до такой же степени! Это же у нас родятся шесть крокодилят, которых придётся прятать от людей. Или сразу пустить под нож. В смысле, под нож пластического хирурга».

Находились, конечно, потом другие олигархи, готовые без обязательств возить красавицу по островам, обливать «диорами» и «шанелями», и хвастаться ею перед друзьями – но Валя-то не была на это готова. Слишком глубоко, как выяснилось, пустило в ней корни мамино-бабушкино правильное воспитание.

Поплакаться бы в жилетку фее, но ищи её свечи. Нуждающихся в её услугах девушек вон сколько по всему свету, а фея одна, не разорваться же ей, верно?

И вот Вадя сидела в кафе, в ореоле ослепительной, нежной и грозной красоты, и к ней приставали только бандиты, а нормальные мужчины боялись и обходили за пушечный выстрел, будто за столиком сидела какая-то медуза Горгона.

Не побоялся и подошёл лишь официант, обслуживающий столик. За него Вале и пришлось выйти замуж. Он сказал: «Рожай, пожалуйста, я уже заранее люблю всех наших крокодилят. В прошлый раз глаз с тебя не сводил, но ты не замечала».

– Как ты меня узнал? – тихо удивилась Валя.

И он ответил, прямо как в романе:

– Я бы тебя всегда узнал.

Они обогнули весь Земной Шар. Плавали среди медуз, ныряли за жемчугом, выделявали на лыжах пируэты в альпийских сахарных снегах, стояли на краю водопада, где волосы вмиг покрывались драгоценной сеткой из дрожащих водяных капель... Время от времени один из них, у кого подходила очередь, снимал шлем виртуальной реальности и бежал в спальню проверить двойняшек. До шестерых им с их официантско-лаборантской зарплатой ещё путешествовать да путешествовать.

К годовщине официант с чаевых скопил на крошечный пузырёк настоящих французских духов, хотя и убеждён, что лучший запах в мире – это запах молока и проутюженных детских пелёнок. И что Вадя без всяких духов прекрасна (хотя после родов сильно подурнела и пополнела). Что поделатъ, даже подарки фей имеют срок годности.

ГОРЬКИЙ ШОКОЛАД С ЖАРЕННЫМ МИНДАЛЁМ

Когда Соня обнаружила, что потеряла телефон, её чуть не разбил инсульт. В телефоне была вся её жизнь. Он у неё работал круглосуточно, на износ. В одном лице – вернее, в экранчике – будильник, информатор, кинопроектор, рассказчик, советчик. А подключив Алису, обрела собеседницу: когда поворкуешь, когда поругаешься – на редкость недалёкая и упёртая эта девушка Алиса.

В общем, раньше люди в туалете не расставались с газетой, а нынче – с телефоном. Вот какую власть взяли над нами напичканные электроникой маленькие китайские корбочки. Ну как, узнали себя в Соне?

Драма разразилась на рынке. Соня шла, глазела по сторонам, дивилась взбесившимся ценам и тут наткнулась на горький шоколад с миндалём, по скидке. Она любила сладости с оттенком, с пикантной горчинкой. Накупила впрок полсумки, а две шоколадки сунула в карман – по-девчоночьи шуршать мятым серебром, грызть по дороге, перекатывая на языке жареные орешки. Видимо, в этот момент и выронила телефон – он был абсолютно идентичен формой и размером шоколадной плитке. Периодически по привычке ощущала карман: всё на месте.

А когда вытащила вместо телефона шоколад...

– Женщина, вам плохо? Вы как стенка белая.

Все умные инструкции, на случай потери телефона, мгновенно выветрились из Сониной головы. Остались пустота и ужас. И понимание, что в эту самую минуту на неё оформляются многомиллионные кредиты, её однушка выставлена на Авито, пенсионные накопления со свистом улетают на мошеннические счета, а судья уже облачается в широкоплечую, чёрную и глухую как ночь, мантию, чтобы упечь Соню на 25 лет, или сколько там нынче дают за финансирование – если, конечно, ты не Долина.

Находящуюся в полубессознательном состоянии Соню добрые люди отвели на лавку, отпоили водичкой. Ангел-хранитель материализовался в виде незнакомца. Он протянул телефон – в целости и сохранности, родненький, миленький, голубчик, утешение на старости лет. Шляпа и пальто на ангеле сидели, как на корове седло, брюки мешковатые, будто с чужого плеча – то есть, с зада. Ангел был прекрасен.

– Вы уронили, я как раз сзади шёл. Наклонился, подобрал – а вас след простыл. Только по полосатому платочку и признал.

Спасибо платку, а ведь коллега стыдила: «Как можно носить такое уродство, ты бы ещё деревенский домотканый половик на голову натянула». Ожившая, возвращённая с того света Соня в знак благодарности пригласила спасителя в «ку-

линарию» на чашку чаю. Познакомились.

Когда он представлялся: «Сигизмунд» – всегда внутренне сжимался и вздыбливал колючки. Ждал реакцию: «А-ха-ха, зачёт, прикольно. Не, а серьёзно?» – «Серьёзно: Сигизмунд», – сухо и зло отвечал он. У спрашивающего что-то со скрипом проворачивалось в голове: «А как это будет сокращённо? Ну, как батя с мамкой в детстве называли?» Затем следовало искреннее недоумение: «А чё, нельзя было поменять имя в восемнадцать лет?»

Можно. И на могилу родителям тоже можно плюнуть.

С возрастом он понял, что его имя – это лакмусовая бумажка, идентификатор: *его* человек или нет. Соня сказала: «Очень приятно». И подумала: «Наверно, сложновато с таким именем среди Вась, Олегов, Андрюш». Её мужа звали Вася.

Муж начал изменять Соне едва ли не на следующий день после свадьбы. Задерживался на работе, когда приходил, от него пахло духами, женщиной, пахло ложью. Психолог уточняла: «Поздно приходит?» – «Рано». Котяра.

Психолог толерантно заменяла слово «котяра» на «полигамный». И вот вроде он и не виноват: что с него взять? Природа сделала мужчин ходоками, чтобы они за свою недолговечную, полную опасностей жизнь оплодотворили как мож-

но большее количество женщин. Сколачивали прайды. Метили территории. Расширяли ареалы.

Полигамный Василий избрал безотказную, единственно верную тактику: с яростью отпираться, отрещиваться от факта измены до последнего. Не был, не привлекался, не состоял, в мыслях не имел. Если бы его без штанов стащили с голой бабы, он бы вылупливал глаза из орбит, рвал майку и напирал грудью: «Я? Изменял?! Да как вам в голову такое могло придти?»

Уж доброжелательницы открывали, открывали глаза туповатой в жизненных вопросах Соне. Однажды буквально взяли под руки, привели под окошко посуточной квартиры и воочию, крупным планом и в деталях, убедили в неверности мужа. Зарывать по-страусиному голову в песок уже не получалось. Потрясённая Соня пошла в аптеку за зелёной.

Там в витрине были пузырьки по 150 миллилитров. «А больше ёмкостей нету?» – «Нету». Пришлось взять пять коробок. Дома постелила клеёнку, сидела на полу, отковыривала ножницами пробочки и сливала в трёхлитровую банку. Представляла, как бриллиантовая зелень стекает по лицам и волосам прелюбодеев, окрашивая их в сверкающие травяные оттенки, и как потом им нельзя будет выходить на улицу целый месяц. Поделом вам. Пальцы у неё тоже были перепачканы зелёной.

Ничего не вышло: кто-то предупредил любовников, и они

забаррикадировались от Сони, затаились как мыши. Вам случайно не нужна зелёнка, три литра, хранятся в тёмном прохладном месте под Сониной койкой, срок годности не истёк?

Сигизмунд пригласил её на премьеру в местный театр, по отзывам: шедевр, пир духа.

Соня замялась. Она давно избегала мероприятий, где надо переодеваться. Это нужно потратить полдня на парикмахерскую, дома перемерить половину гардероба, убедиться, что ещё одна юбка не застёгивается, расстроиться. Потом, закутанной как капуста, бить ногой об ногу на остановке: автобусы ходят плохо, а она мерзлячка. Потом потеть в толчее и духоте дамской уборной, стаскивать кофту, тёплые рейтузы и сапоги, прятать всё это в пакет, пыхтя и сгибаясь в три погибели, вбивать не худенькие капроновые ноги в туфли. Волосы свалялись – пропала укладка, лицо красное как варёная свёкла, кровь пульсирует в ушах, рот по-рыбьи хватает воздух. Какой уж там пир духа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.